

ОЛЬГА БАСКОВА

ТРАГЕДИЯ В ПАНСИОНАТЕ МИССИС ОСТИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55
Б27

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Василий Половцев*
Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Баскова, Ольга.

Б27 Трагедия в пансионате миссис Остин: [роман]/
Ольга Баскова. – Москва: Издательство АСТ, 2027. –
352 с.

ISBN 978-5-17-189739-0

Утро в пансионате мадам Остин началось с идеального английского завтрака и закончилось идеальным преступлением – отравлением двух женщин, одна из которых – хозяйка заведения. Инспектор Скотланд-Ярда Гарри Николсон погружается в мир, где у постояльцев и слуг – скелеты в шкафу, а у хозяйки — длинный список врагов. Здесь все имеют свои грехи и все лгут, кто-то прячется за чужими именами и фамилиями, в том числе и вторая жертва преступления. Николсон методично, шаг за шагом, вскрывает слои лжи. У каждого из свидетелей есть мотив, и ни у одного — настоящего алиби. И когда сыщик уже готов свести все к банальной мести, он натывается на улики, которые переворачивают всё с ног на голову...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55

© Баскова О., 2027
ISBN 978-5-17-189739-0 © ООО «Издательство «АСТ», 2027

ГЛАВА 1

1890 год, Лондон

Тик-так, тик-так.... Ну почему так медленно движутся стрелки старых бронзовых часов? Так думала Джулия Харпер, молодая привлекательная блондинка, сидевшая за столом и неторопливо потягивавшая чай из большой кружки. Ее муж, Том, суетился перед зеркалом, поправляя и без того прекрасно сидевший фрак. Поведение супруга раздражало, и Джулия, потянувшись, как сытая кошка, спросила ради приличия:

— Когда тебя ждать, дорогой? Я должна это знать, чтобы попросить Эмили вовремя разогреть ужин.

Том на минутку задумался, и на его белом лбу обозначилась морщинка.

— Дорогая, скорее всего, нам с Джимом все же придется выехать в Ливерпуль. Джим планирует купить корабль, и я тоже хочу вложиться в это прибыльное дело. Товары из Африки и Южной Америки расхватывают моментально. Если я не вернусь к вечеру, ложись спать. Я приеду на следующий день.

Джулия продемонстрировала недовольство, скривив тонкие губы, и это у нее получилось весьма натурально:

— Опять оставишь меня одну?

Том подошел к жене и обнял, почувствовав терпкий запах духов.

— Не обижайся, я делаю все, чтобы обеспечить любимой женушке достойную жизнь. Поправь мне галстук, дорогая.

Джулия провела указательным пальцем по черному галстуку, дотронулась до узла и улыбнулась:

— Все прекрасно, милый. Выглядишь настоящим аристократом. Может быть, это не деловая встреча, а любовное свидание?

Мистер Харпер хмыкнул, но при этом предательски покраснел:

— Скажешь тоже...

Женщина сдвинула брови, изображая негодование, но в душе смеялась. Если он хочет гулять, пусть гуляет. И очень кстати, если его не будет дома пару днейков.

Том уткнулся в ее светло-русые волосы и прошептал:

— Я люблю только тебя. Мне никто не нужен, кроме тебя и нашего будущего ребенка.

Она с ужасом посмотрела на него. Опять упоминание о ребенке! Да ей страшно подумать, что придется дневать и ночевать возле детской кровати! И этого не избежать, даже если выписать самую опытную няню! А что станет с ее прелестной фигурой? Она растолстеет, упругая грудь обвиснет... И никогда больше...

— До встречи, душка, — муж поцеловал ее в щеку и выбежал на улицу.

Джулия вышла следом — не сразу, немного погодя, чтобы он не возомнил бог знает что. Именно бог знает что, ибо женщина уже давно не испытывала к нему никакой любви. Она считала этот брак неудачным и потихоньку начинала ненавидеть Тома и ту жизнь, которую ей приходилось вести из-за него. А впрочем, во всем

виноваты ее родители! Ну почему они так хотели, чтобы после пансиона их дочь вышла замуж — и непременно за такого скучного человека, как этот Том Харпер. Дочь послушалась — и что? Да, у них неплохой дом с садом, правда, запущенным, потому что Том экономил на садовниках, иногда они даже выезжают в свет, посещают картинные галереи... и на этом все... Джулия была очень деятельной натурой, и спокойная, размеренная жизнь вызывала у нее негодование. Именно поэтому она поддалась на уговоры хозяйки пансиона «Остин-Холл» миссис Остин и ни капли об этом не жалела.

Убедившись, что муж отошел на значительное расстояние и не помышляет возвращаться, женщина побежала в дом. Нарядное платье оливкового цвета, выглаженное и выстиранное, висело в шкафу, ожидая своего часа. Джулия быстро, без помощи служанки, надела его и закружилась перед зеркалом. Том и ее родители называли бы его вульгарным — слишком большой вырез, открывавший полную грудь. Но женщина знала: это именно то, что нужно.

Усевшись в кресло, она принялась ждать, но не мужа, бросая взгляды на старинные часы с боем. Миссис Остин оказалась очень пунктуальной. Ровно в шесть мальчик-посыльный принес надушенную записку. Джулия дала посыльному несколько шиллингов и с волнением прочитала послание. Ее пышная грудь вздымалась, как бурлящий вулкан.

Хозяйка пансиона выражала надежду, что миссис Харпер удастся посетить скромный обед в ее благородном заведении. Довольно хихикнув, молодая женщина набросила шаль на плечи и присела в гостиной.

До обеда у миссис Остин оставался почти час, и женщина стала вспоминать, где и как впервые увидела хозяйку пансиона — в поезде, когда возвращалась от родителей из деревни.

Вагон покачивался в такт мерному стуку колес, убаюкивая, но Джулия не могла позволить себе дремать. Ее мысли роились, как мотыльки вокруг ночного фонаря. Пришлось лгать родителям, что она купается в деньгах, но это было неправдой. Том считал каждую копейку. Мало того, он противился тому, чтобы его жена развлекалась в его отсутствие. Однако когда супруг оставался дома, она тоже умирала от скуки и молилась, чтобы жизнь свела ее с человеком, который помог бы избавиться от повседневной рутины. И тут, словно по заказу, в ее вагон вошла она — миссис Эмма Остин. Изысканная, с копной темно-рыжих волос, уложенных в сложную прическу, и глазами, которые, казалось, видели насквозь, она заняла место напротив Джулии с грацией хищницы.

Мгновенно уловив легкое замешательство молодой женщины, Эмма улыбнулась, и ее улыбка была одновременно дружелюбной и чуть лукавой.

— Ах, моя дорогая! Вы, должно быть, возвращаетесь из гостей домой? Или едете в гости? Позвольте представиться: Эмма Остин, — произнесла она мелодичным голосом, и Джулия, поблагодарив судьбу за такое приятное знакомство, представилась в ответ.

Слова полились рекой, опутав миссис Харпер паутиной лондонских слухов. Эмма, казалось, обладала каким-то сверхъестественным даром проникать в самые потаенные уголки высшего общества, хотя явно к нему не принадлежала.

— Вы не поверите, дорогая Джулия, но наш дорогой лорд Эштон... вы помните его? Тот самый, с такой внушительной коллекцией антиквариата... кажется, он вновь в центре внимания. Говорят, молодая и весьма предприимчивая мисс Милдред Дэвис, дочь того самого текстильного магната, сумела очаровать его своим... э-э... знанием редких манускриптов. Хотя, я уверена, не только знанием. Шепчутся, что он намеревается предложить ей руку и сердце, к величайшему ужасу его двоюродной сестры, леди Беатрис, которая уже видела себя хозяйкой Эштон-Холла. — Эмма сделала элегантный глоток из своего серебряного дорожного флакона, словно смакуя каждое слово. — И это еще не все! Вы слышали о скандале вокруг мистера Джонатана Кроули? Да-да, того самого, что заправлял всеми делами в Королевской Банковской Компании. Оказывается, его финансовые операции были... весьма рискованными. Говорят, он полностью промотал состояние своей жены, очаровательной леди Элеоноры, на какой-то нелепой спекуляции с акциями новомодной электрической компании. Теперь они, бедненькие, вынуждены продавать свои драгоценности, чтобы оплачивать счета. Леди Элеонора, говорят, так убита горем, что перестала появляться в свете.

Эмма понизила голос, ее глаза блеснули.

— Ах, а что касается графини Арлингтонской... Вы же помните ее великолепные приемы? Так вот, ее младшая дочь, Флора, или Эмили, не помню ее имени, сбежала с молодым художником! Нищим, представляете? Он пишет портреты, утверждает, что в его работах есть «душа». Графиня в таком ужасе, что, говорят, уже подыскивает для нее выгодную партию в провинции, лишь бы

забыть эту историю. И кстати, этот художник, как оказалось, очень хорошо знаком с нашим несравненным, но уже весьма пожилым герцогом Монтгомери... Говорят, он ему позировал. Не для портрета, конечно, а... для чего-то более интимного. Но это так, лишь шепот.

Джулия слушала, затаив дыхание. Эти сплетни, словно экзотические бабочки, порхали вокруг нее, знакомя с тем хитросплетением судеб, интриг и страстей, что скрывалось за безупречным фасадом викторианского общества.

Наконец паровоз остановился, протяжно выдохнул — словно заядлый курильщик выпустил дым из своей неизменной трубки, и окутал всех клубами едкого дыма и пара. Постепенно дым поднимался над платформой и скапливался под крышей вокзала.

Эмма взяла Джулию за руку и не собиралась ее выпускать. Похоже, она намеревалась продолжать знакомство и в Лондоне. Люди сновали по платформе взад-вперед, как муравьи, с большими дорожными саквояжами. Паровоз снова выпустил облако дыма, и половина пассажиров скрылась из вида. К ним подскочили носильщики, но Эмма предупредила:

— Нам нужны только служащие компании.

Носильщик заверил, что он и есть самый настоящий служащий, и донес саквояж Джулии до кеба. Миссис Остин придирчиво оглядела кебмена, как бы определяя, стоит ли он доверия, и, решив, что стоит, назвала адрес.

— Сначала он отвезет меня, потому что меня ждут мои постояльцы, — пояснила она. — А потом вас. Ой, милочка, я не спросила, есть ли у вас деньги, чтобы с ним расплатиться. Если нет, я с удовольствием одолжу.

У Джулии оставалось несколько шиллингов, и она подумала, что этого хватит. Перед ними внезапно появился колоритный нищий с покалеченной ногой и протянул шапку для милостыни. На ее удивление, Эмма зло буркнула:

— А ну убирайся. — И повернулась к Джулии: — С ними нужно поосторожнее. Оглянуться не успеете, как они стащат кошелек.

Произведя шум и грохот, кеб наконец тронулся с места.

— Милочка, я так и не спросила, вы замужем? — поинтересовалась миссис Остин.

Миссис Харпер кивнула:

— Да, моего мужа зовут Том.

— Прелестно, — констатировала Эмма. — И где же он? Почему вас не встречает?

И тут Джулию прорвало. Она говорила долго и эмоционально. В конце концов миссис Остин сделала правильные выводы и назвала Тома скупердям и глупцом.

— Милочка, у меня приличное заведение, и вы можете посещать его, когда захотите, — проговорила она. — Давайте я запишу ваш адрес, чтобы прислать вам приглашение. У нас бывает очень весело.

Так Джулия впервые попала в «Остин-Холл» и не собиралась с ним прощаться.

ГЛАВА 2

Говорят, что после двух чашек горячего шоколада настроение улучшается. Однако миссис Клара Джонсон могла с этим поспорить. Ее уже тошнило от шоколада, а настроение по-прежнему оставляло желать лучшего.

Молодая женщина сидела на диване и курила тонкую сигару. У нее получалось выдыхать дым колечками, как у заправского моряка. Впрочем, своей мальчишеской фигурой, смуглым, без намека на морщины лицом, курчавыми волосами и блестящими черными глазами она напоминала озорного юнгу, который, как обезьяна, лазал по мачтам какого-нибудь парусника.

Ее муж, сэр Фил Джонсон, выглядел старше своего возраста, и его можно было принять за ее отца, хотя разница между ними составляла всего десять лет. К тому же с супругом она умирала от скуки. Фил владел банком, и его разговоры о разных валютах и прибыли нагоняли на нее тоску. Ей хотелось свободы, и Клара многое бы отдала, чтобы их тихо-мирно развели, но понимала: это невозможно. И Фил, и ее родители были ревностными католиками и скорее согласились бы, чтобы им отрубили руки. Красивый трехэтажный дом с роскошными лестницами, украшенными дорогими коврами, с вазонами по обе стороны, с картинами, изображавшими предков Джонсонов, с роскошным

садом, за которым денно и ночью ухаживали наемные рабочие, не приносил радости.

Клара выросла в роскоши и невольно сравнивала дом мужа с хоромами ее отца. И там, и тут пол устилали дорогие персидские ковры. Кроме портретов предков, отец увешал стены картинами, изображавшими пейзажи альпийских озер. Мать Клары очень любила живые цветы, и поэтому резные жардиньерки ломились от горшков со всякого рода растениями. По обеим сторонам лестницы стояли бронзовые статуи, державшие в руках канделябры.

У Фила была всего одна статуя, изображавшая какую-то греческую богиню, и первое время Клара даже разговаривала с ней. Ей казалось, что богиня скрашивает ее одиночество. И пусть бронзовая дама ничего не отвечала, зато внимательно слушала, чего никогда не делал Фил.

Одно время ее навещали подруги детства, но муж всякий раз демонстрировал свое недовольство — и они уходили, порой не допив чаю. Джонсон слыл ужасным собственником, ревновавшим жену к каждому дереву, даже засохшему.

Стало немного веселее лишь тогда, когда в доме появилась молодая горничная Агата. Она начала преданно ухаживать за Кларой, купала ее, одевала и наряжала, подкрашивала ей губы и порой даже выдавливала прыщики. У Агаты оказался очень хороший вкус, и Клара часто посылала ее в магазин за новыми кружевами или лентами для шляп. Кроме того, горничная знала толк в косметике. Она проверяла, нет ли в помаде красного свинца, качественны ли духи, и вскоре все владельцы ближайших лавок знали эту девушку и даже приплачивали, чтобы она

покупала товары именно у них. Такую толковую горничную им не было никакого резона обманывать.

Миссис Джонсон доверяла ей и даже рассказала об одном приключении, которое повлекло за собой другое. Агата не выразила негодования, лишь тактично добавила:

— А что вам остается, миссис Клара, если сэр Фил такой скучный. Веселитесь, пока молодая. Так всегда говорила моя мама, недавно отправившаяся на небеса.

Вчера Агата отпросилась в деревню навестить отца и еще не вернулась. Миссис Джонсон скучала пуще прежнего. Она подумала, что если сегодня не поступит приглашение, то следует заняться делом, которое будоражило кровь и уничтожало самые остатки скуки.

Мужа и Агаты не было дома, что давало возможность отдаться любимой игре. Недавно молодая женщина придумала новый образ Клары Джонсон, не дочери герцога Эссекса и жены виконта Джонсона, а простой беловшейки Клары, снимающей крохотную комнатку в бедном районе Лондона. Для этого миссис Джонсон приобрела одежду, в которой ходили служанки, и, как только выдавалось свободное время, тут же надевала ее, тщательно укладывала свои роскошные локоны под платок, стирая следы своего социального положения.

Это была ее маска, ее билет в мир, который закрывал для нее двери в ее истинном обличье. Ее приключения начинались с посещения зланных мест. Она заходила в пабы, маленькие, шумные, где гул голосов смешивался с ароматом эля и сытной простой еды. В этих заведениях, куда светские дамы никогда не ступали, Клара находила свое истинное удовольствие. Она садилась за грубый деревянный стол, заказывала пинту эля и порцию жареных сосисок с картофелем и наслаждалась

пищей, которая никогда не подавалась на ее изысканном обеденном столе.

Но пабы были лишь началом. Клара, подобно пчеле, жаждущей нектара, исследовала и другие места, где собирались простые лондонцы. Она посещала уличные ярмарки, где смеялась над крикливыми продавцами, покупала яркие ленты и пряники, чувствуя себя частью этого оживленного, хаотичного мира, бродила по рыночным площадям, наблюдая за торговцами, их жаркими спорами и деловой суетой. Ее восхищало их простодушие, их открытость. Иногда она могла зайти в небольшую чайную, где за углом, среди аромата крепкого чая и свежей выпечки, делились своими историями рабочие. Клара, слушая их, впитывала в себя эту новую, как ей казалось, подлинную жизнь, словно губка. Эти вылазки были для нее не просто развлечением, а настоящим спасением от скуки, которая, подобно туману, окутывала ее дни. Муж, хоть и любящий, был погружен в свои дела, а светское общество казалось ей скучным и пресным. В роли служанки, свободная от условностей, она чувствовала себя настоящей.

Однажды жажда острых ощущений привела ее на набережную Темзы — место, где тень преступности и отчаяния сплеталась с отблесками городских огней, где стояли женщины, чьи жизни были исковерканы развратом и нуждой.

Клара, в поисках острых ощущений, нанесла на лицо неестественно яркий макияж и бродила среди них, чувствуя, как учащается ее пульс, как охватывают одновременно чувства страха и возбуждения. К ее удивлению, один господин, в добротном пальто и цилиндре, обратил на нее внимание. Он был, должно быть, удивлен ее

явной даже для этого места вульгарностью, остановил кеб и жестом пригласил ее сесть.

Клара, затаив дыхание, последовала за ним. Но когда экипаж уже тронулся, а господин расслабленно откинулся на сиденье, Клара почувствовала приступ паники, смешанный с внезапным, детским испугом. Она не была готова к этому. К этой части игры.

В последний момент, словно дикая птица, молодая женщина выскочила из кеба и бросилась бежать. Зайдя за угол дома, она отдышалась и захохотала, и ее смех растворился в ночном воздухе.

Этот случай, как и многие другие, добавлял пикантности ее тайной жизни. Тогда она познакомилась с бродягой Вильямом, ночевавшим под мостом. Это произошло в ноябре, и Вильяму казалось, что это не только самый противный, но и самый грязный месяц осени. Она слушала бродягу и начинала по-другому смотреть на осеннюю погоду: невзлюбила ноябрь, когда слякоть смешивалась с хлопьями сажи, оседавшими на земле. Голуби, иногда окунавшиеся в лужи, напоминали вымазанные шары, которые кто-то гонял по улице.

Ей нравилось вместе с Вилли наблюдать за людьми. Лошади, покорно тащившие экипажи, тоже утопали в слякоти, щедро обдавая брызгами всех, кто смел к ним приблизиться. Почтенные джентльмены, орудуя своими тростями, прыгали через грязь, но это не помогало, и пятна появлялись на их пальто, явно не украшая одежду. Женщины, раздраженные мелким дождем, пытались спрятаться под зонтами и тыкали ими в прохожих.

Всех лондонцев добивал туман, серым покрывалом плывший над Темзой, кораблями, полями и болотами.

Он был таким густым, что через него еле светились рожки газовых фонарей.

Вильям говорил, что терпеть не может окунаться в дымку. Тогда ему начинало чудиться, что туман поднимает его над улицами и несет к лесу, где норовит выбросить в зеленоватую трясику. В такие дни хромой искал более уютное место для ночлега, чем мост, или хотя бы несколько пенни, чтобы прожить день в тепле. Когда-то Вильям подался в город из деревни, не в силах сносить голод и болезни. Он наслушался рассказов о Лондоне, где, как уверяли, можно было найти приличную работу и снять угол. Однако в Лондоне столкнулся с проблемами и не знал, как от них избавиться.

Работу предлагали тяжелую и малооплачиваемую. К тому же он повредил ногу и оказался на улице. Чуть не околевав от английских морозов, бедняга подался в рабочий дом, откуда сбежал через месяц. Это заведение напоминало тюрьму. Из бедняков выжимали все соки, а кормили так, как хозяин не стал бы кормить собаку.

Однажды Вильям подрался за право вторым обглаживать кости, а ночью, постанывая от побоев, решил, что с него хватит. Лучше как-нибудь заработать несколько пенни, чем ждать смерти под крышей. Бедняга стал ночевать на улице и брался за любую работу. Иногда удавалось получить деньги, и он покупал сидячее место на скамейке. В большом зале заведения для бедняков стояли длинные деревянные лавки. Бродяги садились, прижимаясь друг к другу, как сельди в бочке, и так проводили ночь, согреваясь теплом соседей.

Иногда ему платили два пенни, и тогда он чувствовал себя почти богачом. За такие деньги можно было купить место с веревкой, которая протягивалась перед